

— Да иди ты нахрен, сука! — Юй Чжо обрушилась на Старшеклассника с такой яростью, что слова летели как пощёчины. — Рот закрой, понял?! Ты сам убил свою девку, а теперь за нас взялся — совесть есть?! Ты б под стражей давно сгнил, урод. Знаешь, сколько выкупа за невесту платят?! Соображаешь вообще, что творишь?!

— О-о, без разницы, — Старшеклассник улыбнулся. — Умрёте вы — она вернётся. Так что удачно всё сложилось, сами пришли.

Он спрыгнул вниз. Гроб качнулся — и намертво встал между ветвями. Но то, что казалось ветвями сверху, оказалось корнями: дерево целиком вырвалось из земли и теперь висело в воздухе.

— Ты, может, для начала рост прибавишь? — Син Шэнли смотрел на подошедшего к ним мужчину — на вид старше своих лет, хотя сорока явно не было, — стоявшего, согнув спину и заложив руки за спину.

— Заткнись. Это проклятие, всё обратимо, — огрызнулся Старшеклассник; белые усы от злости топорщились.

— Чьё проклятие? — ровно спросил Син Шэнли, как по шпаргалке.

— Ага, выбиваешь показания, — Старшеклассник скривился. — Выживете — поговорим.

— Подъём.

Земля откликнулась на слово послушно, будто живая: вздыбилась, раскрошилась сетью трещин, и из разломов с грохотом полезли толстенные корни — рванулись в воздух и сомкнулись вокруг людей плотным квадратом, пока те, оцепенев, смотрели и не думали бежать.

Да и не было куда. Клетка замкнулась. Син Шэнли пнул стену.

— Крепко, — констатировал он.

— Твою мать, как отсюда выбраться?! — Брат Чан злобно пнул пол. — Под землю копать?

Старшеклассник с верхушки клетки изрёк фразу, которую каждый злодей повторяет с начала времён:

— Вам не выбраться. Только ждать смерти. Так что... медленно... превращайтесь в прах.

И едва он это сказал, на корнях начали прорастать грибы.

Пестрящие узорами, они, казалось, кричали всему живому: смотрите, я ядовитый, подходите ближе.

— Да что же это такое... — Юй Чжо схватилась за голову. — Как отсюда выйти?! Он нас отравит — и всё, конец?! У меня сейчас крыша съедет, это точно сон, я сейчас дома сплю на своей кровати...

— А кто сказал, что из безвыходной ситуации нельзя выйти? — Янь Юй засмеялся и небрежно сорвал ядовитый гриб. — Голова работает — найдёшь выход. Главное — воля к жизни.

— Ой.

С поверхности гриба в его ладони потянулась пыльца — едва заметным облачком поплыла по замкнутому пространству, и соседние грибы тут же подхватили её, принялись выпускать свою.

— Бесполезный, — тихо бросил Син Шэнли и без предупреждения пнул Янь Юя в бок.

Тот устоял, выровнялся.

— Полегче в следующий раз, — сказал он почти весело. — Собираемся и сносим эту клетку. — Глаза его чуть прищурились; в них что-то коварно блеснуло. — Артефакты есть у кого-нибудь? Эта конструкция, сколько бы сил в ней ни было, держит людей, которые из кожи вон лезут ради выживания.

Вроде противоречие — а если подумать, никакого.

Тот, кто бьётся за жизнь, хочет её остро и ясно — острее, чем тот, кто принимает её как должное. Потому что такой человек уже понял: живым быть — это и есть счастье.

— Я! У меня противогазы, — подняла руку Хун Лянь. — Думала, зачем они вообще. — Она что-то прикинула — и тут же у неё в руках материализовались пять масок. — Чёрт, кажется, одному не хватит. Кто обойдётся?

Вот вопрос жизни и смерти. Обычный человек, наверное, начал бы рваться из рук: мне, это же моя жизнь.

— Я не... — начал было Син Шэнли, но Янь Юй перебил прежде, чем тот закончил:

— Что значит «не»? Надевай. Мне не нужно — я в Шахматной доске давно, меня это не

возьмёт. Поверь.

Он наклонился, произнёс тихо — почти на ухо:

— Прости. Я знаю, что ты силен. Но также знаю, что твои способности постепенно уходят. Знаю, чем для тебя это кончится. Поэтому — послушай меня. Не трать силы попусту.

— Ты... кто такой, — произнёс Син Шэнли, не поднимая взгляда.

«Что, я сам не знаю, что мне недолго осталось?» — мелькнуло где-то за словами. — «Без силы справлюсь. Всё равно справлюсь».

Хотя... боги живут тысячи, а то и миллионы лет. Он же угодил в редкий случай — бог с коротким веком. Судьба такая. Впрочем, чем эта судьба кончится — ещё не решено.

— Ха-ха, сейчас не об этом, — Янь Юй выпрямился, упёр руки в бока и рассмеялся так, будто ничего страшного вокруг нет. — Сначала выбираемся. Ещё артефакты есть? Нет — тогда я.

Что-то в этом смехе зацепилось за людей, немного отпустило страх.

— Ну... много нет, — призналась Хун Лянь, доставая иглы. — Только оружие своё. Артефакты — редкость, сами понимаете.

— Хочешь отравить корни? — уточнил Янь Юй.

— Можно попробовать.

Старшеклассник сидел наверху в позе лотоса и думал: что-то они не торопятся умирать. Медленно. Ладно. Главное — чтобы она вернулась. Ради этого пара трупов — мелочи.

— Скоро уже вернёшься, — прошептал он куда-то в пространство над собой. — Будем вместе смотреть на звёзды.

Хун Лянь воткнула иглы в корни. Иглы вылетели обратно.

—... Не работает, — сообщила она.

— Зачем в корни колоть? — хмыкнул Янь Юй. — Слышала — клин клином? Грибы — вот источник яда. Думай головой.

— А-а...

Иглы взмыли и одна за другой вошли в шляпки грибов. Те как будто опешили — на долю секунды пыльца застыла.

— Смотри-ка, работает! — Брат Чан вытянул шею вперёд.

Но ненадолго. Грибы очнулись и выпустили пыльцу с удвоенной силой.

— Ладно, давай я, — Янь Юй взял у Хун Лянь иглы и взвесил их на ладони. — На будущее: это оружие отражает твою силу. Ты слабее его — твой яд просто стал удобрением для гриба. Ещё чуть — и сама бы от него же и отравилась.

— Хватит говорить, выходим, — Син Шэнли не выдержал. Долгие монологи Янь Юя раздражали его каждый раз без исключения.

— Есть.

Иглы разлетелись по грибам — все разом. Остриё каждой выпустило яд; он соединился с грибной пыльцой, растворился в ней и погас без остатка.

— Видели? Артефакт растёт вместе с хозяином. Это не вещь — это живое. Всё зависит от вас. — Янь Юй произнёс последнее слово. — Разрушить.

И корни взорвались.

Обломки дерева брызнули прямо в лицо Старшеклассника. Тот вскочил — и за облаком щепок поймал взгляд Син Шэнли. В глазах читалось одно: желание убить. Ясное, холодное, без лишних слов.

На мгновение всё застыло, как в замедленной съёмке. И в этот миг Старшеклассник вдруг увидел себя — переломленного пополам, в луже крови; и всё, что он делал ради возвращения возлюбленной, промелькнуло перед ним пустым вихрем.

Син Шэнли обошёл его — прямо к гробу. Старшеклассник среагировал, метнулся наперерез:

— Туда нельзя. И открывать нельзя.

Син Шэнли поднял голову. В красивых, точёных глазах что-то сгустилось — будто готовое обрести вес и пробить насквозь.

— Умереть хочешь.

— Нет. Просто не хочу, чтобы её трогали. Ясно? Вы умрёте — она воскреснет. Всё просто.

Облик Старшекласника начал меняться. Тело расправлялось; белые усы сплетались в древесные корни, кожу прорезали узоры коры.

Он превратился в дерево. Встал перед гробом, раскинув руки-ветви — огромные, тяжёлые, — и пустил вперёд сотни мелких отростков, сплётших плотную завесу.

— Ищешь смерти? — Син Шэнли остановился перед деревом-человеком. Во взгляде — холодное, брезгливое непонимание.

Остальные уже вышли. Стояли, разглядывая исполинское дерево, и думали одно: это не ужастик. Это фэнтези.

— Это... что вообще такое... — вырвалось у всех разом, как сговорились.

— Как пройти-то?.. — растерянно спросил Брат Чан.

— Пройдём. Раз он сам напрашивается...

Син Шэнли неспешно двинулся вперёд. Вокруг него — едва различимое, почти прозрачное — дрожало что-то похожее на пламя. Старшекласник внутри дерева ощутил это прежде, чем увидел, — и вздрогнул, хотя почти утратил способность чувствовать хоть что-нибудь.

— Стоять! Не ходи!!

Слова растворились в воздухе. Син Шэнли прошёл сквозь дерево — насквозь, будто нож сквозь воду, — и там, где он прошёл, зияла дыра с обугленными краями.

Старшекласник замер: дыра в стволе, лицо — кора, ни рукой, ни ногой не пошевелить.

Лицо Син Шэнли потемнело. Он шёл к гробу, и в голове билась одна мысль: сколько можно. Пришёл — иди, зачем эти крюки и объезды.

Гроб был из сандалового дерева — тёмного, гладкого, запечатанного воском, явно для сохранности. В крышке виднелась щель — закрыта не до конца. Гроб раскачивался в воздухе. Син Шэнли толкнул его рукой.

Закачался. Ветки над ним скрипнули. Похоже на пустой — но что внутри, одним толчком не

проверишь.

Он ударил ногой в крышку. Та слетела и грохнулась о землю — будто не гроб вскрыл, а съёл дверь в трактире.

И в этот миг он увидел.

Женское тело. Без кожи.

Нетронутое гниением — красное мясо, пронизанное сосудами, лежало в темноте гроба как есть.

Запах ударил прежде, чем взгляд успел осмыслить. Тяжёлый, резкий, тошнотворный. Син Шэнли инстинктивно отступил назад.

<http://bllate.org/book/19739/2007145>